

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖЕКА ВЭНСА,
ВЫШЕДШИЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
FANZON

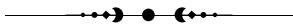
УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

СКАЗАНИЯ УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ
ЛЕГЕНДЫ УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ

ЛИОНЕСС

САД ПРИНЦЕССЫ СУЛЬДРУН
ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА. МЭДУК

ХРОНИКИ ДЕРДЕЙНА

Jack Vance

DURDANE

THE ANOME
THE BRAVE FREE MEN
THE ASUTRA

Джек Вэнс

ХРОНИКИ ДЕРДЕЙНА

АНОМЕ
БРАВАЯ ВОЛЬНИЦА
АСУТРЫ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
В97

Jack Vance

DURDANE

The Anome

Copyright © 1970, 2012 by Jack Vance

The Brave Free Men

Copyright © 1970, 2012 by Jack Vance

The Asutra

Copyright © 1971, 2012 by Jack Vance

Перевод с английского *Александра Фета*

Дизайн Елены *Куликовой*

Карты *7Narwen*

Вэнс, Джек.

В97 Хроники Дердейна / Джек Вэнс ; [перевод с английского
А. Фета]. — Москва : Эксмо, 2026. — 656 с.

ISBN 978-5-04-221226-0

Грядущее посвящение в орден хилитов сулит Муру жизнь под гнетом жестоких обетов. Но юноша бежит, оставив мать в неволе, и берет себе новое имя — Гастель Этцвейн. Его мечта — стать музыкантом и выкупить мать, но судьба втягивает его в куда более опасную игру.

На Шант обрушиваются жестокие набеги рогушкоев, и Этцвейн теряет самых близких. В поисках правды он обращается к Аноме, таинственному Человеку Без Лица, чья власть держит страну в страхе. Но правитель бездействует, и тогда юноша решает сам раскрыть тайну его личности — и судьбы своего мира.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-221226-0

© А. Фет, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

AHOME

ГЛАВА 1

В возрасте девяти лет Мур слышал, как гость его матери, расшумевшийся в хижине отдыха, в шутку клялся именем Человека Без Лица. Позже, когда гость ушел своей дорогой, Мур обратился к матери с вопросом:

— Человек Без Лица — он есть на самом деле?

— Еще как есть! — отозвалась Эатре.

Мур поразмышлял немного и снова спросил:

— Как он дышит — без лица? Как он ест, говорит?

— Справляется как-нибудь. — Эатре всегда говорила тихо и спокойно.

— Интересно было бы посмотреть, — сказал Мур.

— Само собой.

— Ты его видела когда-нибудь?

Эатре покачала головой:

— Человек Без Лица не вмешивается в дела хилитов, так что и тебе незачем о нем беспокоиться. — Помолчав, она задумчиво добавила: — Так уж повелось — к добру или не к добру.

Ребенок худой и угрюмый, Мур нахмурил черные брови, унаследованные от неизвестного отца:

— Почему так повелось? Почему к добру или не к добру?

— До чего настырный уродился — все тебе нужно знать! — добродушно заявила Эатре. Губы ее покривились — давал о себе знать чусейн¹. Но она объяснила: — Тех, кто нарушает закон хи-

¹ Чусейн — 1) воспитанное отвращение к запретной мысли, 2) неспособность замечать или вспоминать события и факты, связанные с необычными, запрещенными или еретическими обстоятельствами.

литов, еkkлeзиapхи нaкaзывaют пo-свoey. Тoлькo eсли нapyшитeль бeжит в дpyгoй кaнтoн, eгo нaхoдит Чeлoвeк Бeз Лицa — и бeглeц тepяeт гoлoвy. — Пoдняв pyкy, Эaтpe пoчти пpикoснyлacь к oшeйникy бeссoзнaтeльным жecтoм, oбщим для вceх oбитaтeлeй Шaнтa: — Тeм, ктo блюдeт зaкoн хилитoв, пoтepя гoлoвы нe гpoзит. Этo к дoбpy. Нo тoгдa oни сaми стaнoвятcя хилитaми — a этo yжe нe к дoбpy.

Мyр бoльшe нe зaдaвaл вoпpocoв. Oт зaмeчaний мaтepи вeялo кpамoлoй. Eсли бы их yслышaл дyxoвный oтeц, eй, пo мeньшeй мepe, oбъявили бы стрoгий выгoвop. Эaтpe мoгли пepeвeсти нa рaбoтy в сыpoмaтню, a тoгдa пpивычнoмy пpoзябaнию Мyрa пpишeл бы кoнeц. Eмy и тaк oстaвaлoсь жить нa мaтepинcкoм мoлoкe (пo выpaжeнию хилитoв) вceгo тpи-чeтыpe гoдa... В xи-жинy зaшeл oчepeднoй пyтник. Эaтpe нaдeлa вeнoк из цвeтoв и нaлилa бoкaл винa.

Мyр вышeл пocидeть нa oбoчинe пo дpyгyю cтopoнy Аллeи, в тeни выcoких poдoдeндpoнoв. Oн знaл, чтo oбязaн cyщecтвoвaниeм кoмy-тo из гocтeй-пpoхoжих — тaкoвa пepвopoднaя винa. Eмy нaдлeжaлo cтaть чистым oтpoкoм, иcкyпив пepвopoднyю винy. Мyр никaк нe мoг yяснить тaинcтвeнный пpoцecс пoявлeния и иcкyплeния винy. Эaтpe poдилa чeтыpeх дeтeй. Шecтнaдцaти-лeтняя Дeлaмбpe yжe рaбoтaлa гopничнoй в дoмe нa зaпaднoм кoнцe Аллeи. Втopoй peбeнoк, Блинк, нa тpи гoдa cтapшe Мyрa, нeдaвнo oблaчилcя в бeлyю pяcy чистoгo oтpoкa и был нaрeчeн Шaльpecoм Гaргaмeтoм в чeсть хилитcкoгo aскeтa и пoдвизникa Шaльpeca, пpoсидeвшeгo вcю жизнь и иcпycтившeгo дyх в вeтвях cвящeннoгo дyбa, чтo в шecти килoмeтpax ввepх пo дoлинe Cyмpaчнoй peки, a тaкжe в пaмять Бaстинa Гaргaмeтa, кoжeвeнных дeл мaстepa, oбнapyжившeгo вo вpeмя кoпчeния шкyp aхyльфoв¹

¹ Ахульфы — в нeкoтopoй cтeпeни pyзмьe двyнoгий aвтoхтoны Дepдeйнa. Дикie aхyльфы чacтo встpeчaютcя в мaлoнaceлeнных лecных и пycтынных paйoнax. Ахyльфoв вpeмя oт вpeмeни пpиpyчaют, paзвoдят и ceлeкциoниpyют в paзличных цeляx. Oдoмaшнeннe aхyльфы мoгyт пepeнocить гpyзы и выпoлнять дpyгyю тяжeлyю рaбoтy, нe тpeбyющyю ocoбых нaвыкoв; кpoмe тoгo, pyчных aхyльфoв иcпoльзyют кaк ищeек и cтopoжeвых дoмaшних живoтных. Oт бoльнoгo aхyльфa иcхoдит cильнeйший зaпax, нacтoлькo oтвpaтитeльный, чтo oн вызывaeт жалoбы и пpoтecты co cтopoны caмoгo винoвникa нeпpиятнocти.

литургические свойства гальги¹. Четвертого ребенка, появившегося на свет через два года после Мура, объявили дефективным и утопили в отстойнике сыромятни — врожденные недостатки детей считались следствием чрезмерной сексуальной изобретательности матери, в связи с чем Эатре порицали как виновницу происшедшего.

Мур сидел под рододендронами, рисуя узоры в белой пыли и разглядывая проезжих и прохожих — меркантилиста в запряженной парой быstroходцев² двуколке, арендованной на станции воздушной дороги кантона Шемюс, и трех молодых бродяг, батраков с зеленовато-коричневыми вертикальными полосками на ошейниках.

Мур нехотя поднялся на ноги. Порученные ему деревья-волокнуцы требовали частого ухода — если нити недостаточно натягивались бобинами, шелковистое волокно становилось узловатым и грубым... Мимо проезжала пароходная подвода, груженная разделанными бревнами дорогого черного дерева. Позабыв о волокнуцах, Мур догнал подводу и прокатился, повиснув на торчащем из кузова бревне, до моста через Сумрачную реку, где он соскочил на землю. Подвода, громыхая, покатилаcь вдаль по пустынной восточной дороге. Какое-то время Мур стоял у моста и бросал голыши в Сумрачную реку. Чуть выше по течению крутилось большое водяное колесо — привод жерновов, измельчавших дубильные орехи, квасцы, всевозможные травы, корни и химикаты для кожевенного завода.

Мур поплелся назад по Аллее Рододендронов. Когда он вернулся домой, гостя уже не было. Эатре поставила на стол миску с супом и отрезала ломоть хлеба. Пока Мур ел, он задал вопрос, тяготивший его с раннего утра:

¹ Гальга — вязкий состав из растертых в порошок сушеных листьев изыла (местного кустарника), смешанных со смолой изыла и кровью ахульфа. Курение гальги — важный ритуальный атрибут поклонения Галексису, сопровождающегося судорожным иступлением хилитов.

² Быстроходцы — порода тягловых животных, потомков волов, привезенных на Дердейн первопоселенцами. Лошади, тоже прибывшие с людьми, вымерли, пораженные лимфатической лихорадкой и истребленные ахульфами.

— Шальрес похож на духовного отца, а я — нет. Странно, правда?

Эатре замерла в ожидании воспоминания, всплывавшего из глубины сознания, — чудесный стихийный процесс! Так цветут деревья, так сочится упавший на землю спелый плод.

— Никто из хилитов — не говоря уже о Великом Муже Оссо — не состоит в кровном родстве ни с тобой, ни с Шальресом. Они не познают женщин во плоти. Кто отец Шальреса, я не знаю. Твой кровный отец — бродячий сочинитель музыки из тех, что странствуют в одиночку. Жаль было с ним расставаться.

— Он больше не приходил?

— Нет.

— Куда он ушел?

Эатре покачала головой:

— Такие, как Дайстар, нигде не находят места. Он побывал во всех кантонах Шанта.

— Ты не могла с ним уйти?

— Я в крепостном долгу. Пока он не выплачен, Оссо меня не отпустит.

Мур доедал суп в многозначительном молчании.

Пришла Деламбре, в накидке поверх платья в зеленую и синюю полоску, — стройная и серьезная, как Мур, высокая и мягко-сдержанная, как Эатре. Она опустилась на стул:

— Уже устала! Приходили три музыканта из табора. С последним было трудно, да и язык у него как с привязи сорвался. Без конца бубнил про каких-то варваров-рогушкоев. Говорит, жуткие пьяницы и развратники. Ты про них слышала?

— Слышала, — сказала Эатре. — Сегодняшний гость отзывался о них с почтением. По слухам, они ужасно похотливы, лезут ко всем женщинам без разбора и никогда не платят.

— Почему Человек Без Лица не выгонит их из Шанта? — строго спросил Мур.

— Дикари не носят ошейников, Человек Без Лица им не страшен. В любом случае их заставили вернуться восвояси. Похоже, набеги кончились.

Эатре заварила чай. Мур взял два ореховых печенья и отправился в сад за хижиной, где его уединение скоро нарушил окрик духовного брата Шальреса.

Мур откликнулся без энтузиазма. Шальрес вприпрыжку спустился по склону холма и встал у ограды, не заходя в сад, — чистый отрок боялся осквернения. Долговязый Шальрес — с мелкими, заостренными чертами лица, гримасничавшего в постоянном возбуждении, — ничем не походил на Мура. Он часто моргал и морщил нос, глаза его то выпучивались, то прищуривались, бегая из стороны в сторону. Шальрес ухмылялся, корчил рожи, скалил зубы, облизывался, заливался блеющим смехом, когда достаточно было просто усмехнуться, чесал в затылке, дергал себя за мочки ушей и широко размахивал костлявыми, нескладными руками. Мур давно уже дивился полному несоответствию их внешности и характеров. Разве они не братья — дети одной матери, одного духовного отца? В отличие от Мура Шальрес чем-то напоминал духовного отца, Великого Мужа Оссо, — тоже долговязого и худого, как жердь, с болезненно-землистым лицом.

— Пошли, — сказал Шальрес, — ягоды собирать.

— Ягоды? С какой стати я должен собирать ягоды?

— Потому что я так сказал. Вот, мне выдали освященные перчатки, чтобы не осквернять ягоды женским духом. Смотри, не дыши на ягоды! Дыши в сторону, и все будет в порядке. Что жуешь?

— Ореховое печенье.

— Ммм.. Да... С утра ничего не ел, кроме галеты с водой... Нет. Мне нельзя. Оссо узнает. У него нюх, как у ахульфа. Давай, пошли! — Он перебросил к ногам Мура корзину, в ней лежали белые перчатки. Мур подозревал, что сбор ягод поручили Шальресу — даже чистый отрок не смел прикасаться к пище без перчаток. Шальрес, по-видимому, придавал больше значения возможности побездельничать, нежели опасности осквернить еду, в любом случае предназначенную только для стола хилитов.

Не испытывая привязанности к Шальресу, Мур в какой-то мере сочувствовал брату, вынужденному служить жрецам, — его

самого ждала та же участь, и очень скоро. Мур взял корзину без дальнейших возражений: если подлог обнаружат, расплачиваться придется Шальресу.

— Так печенья хочешь или нет? — нехотя предложил Мур.

Шальрес тревожно обернулся к склону холма, к белой громаде Башонского храма, к длинному ряду темных ниш под стеной, где устраивали убогие постели чистые отроки:

— Давай — так, чтобы никто не видел.

Спрятавшись за широкий ствол апара, Шальрес с брезгливой торжественностью натянул белые перчатки. Взяв кончиками пальцев ореховое печенье, он разжевал и проглотил его в мгновение ока, облизал крошки с губ, скорчил несколько смущенных гримас, прокашлялся, поморщил нос, выглянул из-за ствола и посмотрел на холм. Убедившись в своей безопасности, он показал величественным жестом руки, что покончил с грязными плотскими страстишками и забыл о происшедшем.

Братья отправились к зарослям кислёнки на западном конце Аллеи Рододендронов. По дороге Шальрес подчеркнуто держался поодаль от еще не прошедшего обряд очищения духовного брата.

— Сегодня вечером — схоластический конклав еkkлeзиархов! — объявил Шальрес так, будто сообщал новость первостепенной важности. — На десерт они желают ягод. Нужно собрать столько, чтобы хватило на всех. Представляешь? Меня одного послали раздобыть уйму ягод. Рассуждают о высоких идеалах и непреклонности духа, а подъедают все дочиста — все, что подают.

— Ха! — мрачно усмехнулся Мур, вскинув голову. — Сколько тебе осталось до пострижения?

— Год. У меня уже растут волосы на теле.

— На тебя наденут ошейник, и ты больше никогда не сможешь уйти куда глаза глядят, бродить по свету. Это ты понимаешь?

Шальрес шмыгнул носом:

— Ну и что? Дерево растет и больше не может превратиться в семя.

— Тебя не тянет посмотреть на новые места?

Шальрес ответил уклончиво и раздраженно:

— Даже бродяги носят ошейники. Без ошейников — только иностранцы.

Мур не нашел возражений, но скоро спросил:

— Рогушкой — тоже иностранцы?

— Кто? О чем ты?

Мур, знавший немногим больше Шальреса, предусмотрительно замолчал.

Пройдя мимо плантации волокниц, где Мур ежедневно ухаживал за участком с двумястами бобинами, братья спустились к густым зарослям ягоды-кисленки. Остановившись, Шальрес обернулся к святилищу на холме:

— Значит, так. Обойди кусты и собирай внизу, а я начну отсюда. Если что, из храма увидят: все делается, как положено. Непременно надень перчатки! Это минимальное, необходимое требование — не злоупотребляй моим благорасположением!

— А что, Оссо придумал еще какие-то требования?

— Он всегда что-нибудь придумывает. Нужно собрать не меньше двух полных корзин, так что поторопись. Не забудь про перчатки! Хилиты чувят женский дух, как обычный человек чует дым пожара — и реагируют так же.

Спустившись до нижнего края зарослей кисленки, Мур прошел чуть дальше, чтобы взглянуть на табор музыкантов. В этом году приехала многолюдная труппа в семи фургонах, раскрашенных символическими цветными орнаментами. Голубой цвет означал беззаботность, розовый — невинность, темно-желтый — санушей¹, серо-коричневый — техническое мастерство.

В таборе занимались повседневными делами — носили корм и воду тягловым животным, нарезали овощи в походные котлы, сушили выстиранные накидки, выбивали пыль из одеял. В целом, музыканты вели себя гораздо беспечнее, живее и экспансивнее хилитов — здесь преобладали грубоватые, несдержанные интонации и вычурная, часто неожиданная жестикуляция.

¹ С а н у ш е й н — самозабвенное, безрассудное веселье с примесью фатализма и трагического отчаяния.

Смеясь, музыканты закидывали головы. Даже самые угрюмые и замкнутые недвусмысленно выражали хроническое раздражение красноречивыми позами. На задних ступенях фургона сидел старик, подгонявший новые колки к изогнутому грифу небольшого хитана. Рядом мальчик не старше Мура практиковался в игре на гастенге, повторяя пассажи и арпеджио. Старик время от времени поправлял его краткими ворчливыми замечаниями.

Мур вздохнул, отвернулся и стал подниматься по склону к ягодным зарослям. Впереди из-за кустов проглядывало светло-каштановое пятно. В зарослях кто-то шевелился — шелестели потревоженные листья. Мур замер, осторожно приблизился. Всматриваясь в листву, он обнаружил девочку лет одиннадцати, удивительно ловко и быстро собиравшую ягоды, сыпавшиеся в висящее на локте лукошко.

Возмущенный вторжением на свою территорию, Мур решительно направился к нарушительнице, споткнулся о торчащий петлей корень и с треском повалился на колючую кочку ведьмовника. Девочка бросила испуганный взгляд через плечо, уронила корзину, подобрала юбку и припустила, не разбирая дороги, через заросли кисленки. Чувствуя, что свалил дурака, Мур поднялся на ноги и растерянно смотрел вслед удиравшей девочке. Вообще-то он не собирался ее пугать — но что сделано, то сделано! Теперь у нее все ноги в царапинах. Так ей и надо! Нечего тут делать, в ягоднике хилитов! Мур подобрал брошенное беглянкой лукошко и со злорадной сосредоточенностью пересыпал его содержимое себе в корзину. Вот и десерт для конклава!

Засунув перчатки в карман, он еще некоторое время собирал кисленку, постепенно поднимаясь по склону. Наконец Шальрес позвал:

— Эй! Где ягоды? Опять отлыниваешь?

— Вот, смотри, — отозвался Мур.

Шальрес заглянул в корзину, подчеркнуто не замечая того, что Мур не надел перчатки:

— Гм. Неплохо. Даже странно. Ну что же, давай сюда — можно сказать, я собрал все, что нашлось... Прекрасно. Ах да, перчатки! Слишком чистые. — Шальрес надел перчатку, раздавил

ягоду пальцами: — Так-то оно лучше. Смотри, никому ни слова. Он угрожающе нагнулся, приблизив тощее костлявое лицо к лицу Мура: — Помни — когда ты станешь чистым отроком, я уже буду хилитом. Тогда не рассчитывай на поблажки! Я-то знаю, куда ветер дует! — Шальрес повернулся и поспешил к храмовому холму.

Мур решил собрать еще кисленки для матери — просто чтобы чем-нибудь заняться. Естественно, половина ягод попадала не в корзину, а к нему в рот. Его смутное ожидание скоро оправдалось — ниже по склону появилась бледно-каштановая кофта бродячей девчонки. Убедившись в том, что она его заметила и не боится, Мур медленно двинулся навстречу. Девчонка и не подумала убежать — а, наоборот, быстро подошла к нему. Лицо ее покраснелось от злости:

— Эй ты, выкормыш извращенцев! Шарахаешься по кустам, заграбастал мои ягоды! Где они? Отдавай сейчас же, а то уши оторву, даром что растопыренные!

Слегка ошарашенный таким обращением, Мур старался сохранить невозмутимость, подобающую ученику хилитов:

— Ты чего обзываешься?

— А как еще тебя называть? Вор несчастный!

— Сама ты воровка — ягоды не твои, а хилитские!

Девчонка раздраженно взмахнула руками и топнула ногой:

— Ха! Еще ты будешь рассуждать, кто тут вор, а кто не вор! Все равно давай ягоды — какая разница? — Выхватив корзину у Мура из рук, она с подозрением заглянула внутрь и недоуменно спросила: — Это все, что я собрала?

— Было больше, — с достоинством признал Мур. — Остальное взял духовный брат. Не обижайся — ягоды подадут на конклаве хилитов. Забавно, однако! Хилитам придется вкушать пищу, оскверненную женщиной!

Девчонка снова разозлилась:

— Ничего я не оскверняла! За кого ты меня принимаешь?

— Тебе, наверное, невдомек, что...

— Ничего не знаю и знать не хочу! Слышали — и про хилитов твоих, и про их мерзкие штучки! Накуриваетесь всякой дрянью